

С у л а р и Д ж е н т и л л

ТАИНСТВЕННЫЙ ПИСАТЕЛЬ



РИПОЛ
КЛАССИК

ПРОЛОГ

В день своей смерти он проснулся рано и некоторое время лежал неподвижно, придавленный отчаянием и фрустрацией.

Горе казалось сокрушительным. Давило осознание, что он все потерял. Лишился всего из-за какой-то ерунды.

Он сел. Книжный шкаф расплывался перед глазами, и, как он ни пытался собраться с силами, лучше не становилось.

Медленно, на затекших ногах он поднялся с дивана, где вчера уснул, и достал книгу со средней полки. Его первый роман. Когда-то он был для него всем: кульминацией мечты и пропуском в жизнь. А потом появилась она и все разрушила.

Кончиками пальцев он провел по глянцевой обложке и легкому рельефу букв, составлявших его имя. Он больше никогда не увидит эту книгу, никогда не сможет к ней прикоснуться. «Катись прочь, Джек...» — горькой насмешкой слетели с губ слова песни Рэя Чарльза.

Костюм, рубашка, туфли и даже нижнее белье — все было приготовлено. Он продумал все до последней мелочи, предусмотрел все исходы и все решил заранее.

Осталось только умереть.

Глава I

Калев выругался, испытывая злость и ликование. Он так и знал! Он видел это в глазах конгрессмена, когда тот обращался к демонстрантам. Его глаза были пусты. Как будто его там на самом деле не было. Как будто он был уже мертв. Теперь все встало на свои места. Осознав это, Калев опешил. Он все видел. У него есть доказательство. Это сенсация.

Он вгляделся в экран и перечитал написанное, чувствуя, как с каждым словом ускоряется пульс. Потом ударил кулаком по столу. «Да!» — воскликнул он.

Щит разрастался и креп. У людей открывались глаза, они просыпались. Но Калев понял все с самого начала, с тех пор как Примус запостил первый крик о помощи. Калев, прочитав пост, инстинктивно догадался, что за этим что-то стоит. Кем бы ни был Примус, смелости ему не занимать. Вот что значит истинный патриот.

Калев встал из-за компьютера. Мама должна это увидеть.

Он засомневался.

А нужно ли вступать в борьбу сейчас? Мама следит за мексиканской границей к югу и канадской к северу, но бояться надо другого. Хотя, готовясь к вторжению, она, пожалуй, делает и все необходимое для подготов-

ки к восстанию. Братья, кроме одного, тоже каждый по-своему готовятся к концу и готовы сражаться. Когда потребуется, они присоединятся к Щиту, и это станет неожиданностью для них самих.

Кaleb рухнул на кровать и сцепил руки на затылке. Если братья узнают, то возомнят себя главными. Будут понукать им: Кaleb, сделай то, Кaleb, сделай это... будто не он первый обо всем догадался. Скоро они забудут, что он знал обо всем с самого начала.

Так что лучше подождать. И когда все начнется, он встанет у руля, а они будут вынуждены к нему прислушаться. Он представил, как удивится мама и как восхитится, что младший сын повел их в бой. Братья поймут, что он уже не маленький. Все, кроме одного, — но и тот рано или поздно придет в чувство и обратится за помощью к младшему брату.

А пока лучше держать рот на замке. Ждать и мотать на ус.

Кaleb подул на кулак. Его глаза сияли. Грядут невероятные перемены.

Теодосия Бентон стояла на крыльце дома Гаса и радовалась, что долгий путь подошел к концу. Она вздохнула с облегчением, но безмятежное мгновение прервал выскочивший на крыльцо громадный пес. Тео не боялась собак, но не знала, как примут ее в доме старшего брата, и к тому же устала и все еще находилась под впечатлением от грандиозности своего поступка. Поэтому от испуга она расплакалась и застучала в дверь в слезах и панике. Собака лаяла так громко, буд-

то пыталась разбудить мертвых. Соседи выглянули на улицу, решив, что кого-то убивают.

У Гаса Бентона была гостя. Он несколько минут искал одежду и наконец открыл дверь.

— Тео? Какого хрена? — Он вытаращился на сестру.

Тео попыталась говорить, но это было бессмысленно. Собака, кажется, решила оповестить весь квартал о том, что на пороге гость. Она закрыла уши руками и зажмурилась, прогоняя шум.

Гас бросился успокаивать пса, и в конце концов ему удалось его утихомирить. Последовала относительная тишина, и у Тео появилась возможность объяснить, но речь, подготовленная на пути из Сиднея в Лоуренс, в подсолнечный штат Канзас, вдруг улетучилась из памяти. Она принялась сбивчиво извиняться, что не предупредила брата о приезде.

— Пойдем. — Он взял ее сумки, пригласил в дом и познакомил с Пэм, молодой женщиной в одной рубашке. Пэм вскоре ушла. Вид заплаканной девушки с чемоданами, пусть даже та была сестрой Гаса, не настраивал на романтический лад.

Когда они остались одни, Гас повторил свой вопрос:

— Что ты здесь делаешь, Тео? Мама с папой в курсе? Что происходит?

Тео рассказала, что натворила.

— В смысле — бросила университет? Тебе же всего два года осталось. Все так плохо?

— Да.

— Но ты всегда мечтала стать адвокатом.

Тео вяло улыбнулась.

— Солиситором¹, — ответила она, Гас совсем обамериканился. — Гас, я поступила на юридический в восемнадцать. Я тогда даже не понимала, чем, собственно, занимаются адвокаты. Я просто хотела быть похожей на тебя и делать то же, что и ты, чтобы... — Она покачала головой.

Гас вздохнул.

— Ладно, я все понимаю. Но наверняка в Австралии есть и другие профессии? Зачем ты вернулась?

— Я... я решила... — Она выложила ему все про курсы литературного мастерства и идею своего романа. Слова лились водопадом, как на исповеди: она призналась, как постепенно теряла интерес к юриспруденции, как крепло чувство паники и одиночества и ощущение, что она не выдержит еще один день и еще одну лекцию, пока не осталось лишь одно желание: спасаться бегством. В какой-то момент Тео решила замолчать, зная, что сбивчивые объяснения и отчаянные оправдания делают ее похожей на сумасшедшую, а Гас должен был верить, что она не сошла с ума. Она закусила губу, борясь с искушением нарушить молчание.

Гас некоторое время ничего не говорил и смотрел на нее, будто пытаясь определить, в себе ли она. Потом у него вырвался недовольный стон.

— Боже, Тео. Ты могла бы рассказать мне все по телефону. Я бы встретил тебя в Форт-Уэрте.

¹ В Великобритании существует деление на солиситоров и барристеров: солиситором называют консультирующих адвокатов, которые ведут подготовку дела и не выступают в суде; барристеры выступают в суде. — *Здесь и далее примеч. пер.*

— Ты бы велел мне остаться в Австралии... доучиться и получить диплом.

— Я твой старший брат. Естественно, я велел бы тебе доучиться. Но ты бы все равно меня не послушалась, и я бы встретил тебя в аэропорту.

Он показал ей две свободные комнаты и разрешил выбрать одну из них, хотя посоветовал ту, что дальше от ванной: по ночам гудели трубы.

Сначала Тео решила, что он ее не понял.

— Я бросила университет, — медленно повторила она. — Сказала декану, что не вернусь. Я не стану адвокатом, Гас. Я отучилась два курса... то есть у меня, считай, нет никакой квалификации... но я не могу...

— Да, ты говорила. — Он зевнул. — Есть хочешь? Умираю с голоду.

— Но траст...

Гас пожал плечами. Высшее образование Гаса и Тео Бентон финансировалось из траста, учрежденного их покойным дедушкой Робертом Маклином, высокопоставленным членом Американской ассоциации юристов. Его единственная дочь вопреки отцовской воле вышла за австралийского музыканта без гроша за душой, и тот лишил ее наследства и вычеркнул из жизни, но учредил траст, надеясь таким образом вернуть расположение внуков и заманить их обратно в свой мир.

— Если хочешь, я поговорю с попечителями, — спокойно ответил он. — Можно договориться об академе до конца учебного года.

— Но я не собираюсь возвращаться. Дед умер, ему все равно!

Гас улыбнулся.

— Погоди, узнав о твоём решении, старый ублюдок, глядишь, воскреснет. (Дед выбрал им будущее и даже из могилы умудрялся управлять их жизнями через условия траста. Гас пошел по пути наименьшего сопротивления; его младшая сестра оказалась смелее. Но не зря же он был адвокатом — он попытался обеспечить Тео путь к отступлению.) Давай не будем ничего говорить попечителям, пока в этом не возникнет абсолютной необходимости. Нам совсем не на руку, если они будут знать заранее. Я просто скажу, что ты решила взять академ до конца года и помочь мне с делом. Получить бесценный практический опыт.

— Они не поверят.

— Убеждать — моя работа. — Гас взглянул на экран смартфона. — Можно заказать доставку... что ты хочешь?

Вопреки себе Тео улыбнулась.

— У тебя есть время до Рождества, чтобы написать свой роман, — продолжал он. — Тогда по крайней мере сможешь сказать им, что бросила юридический не для того, чтобы бомжевать... хотя последнее выглядит весьма заманчивым. — Гас достал бумажник и дал ей дебетовую карточку, привязанную к его счету, на случай если ей понадобятся деньги. — Пароль — веджемайт¹.

Тео взяла карточку, от облегчения и благодарности даже забыв сказать «спасибо». Вытерла глаза рукавом,

¹ Популярное австралийское блюдо, дрожжевая паста, которую намазывают на хлеб.

но вся решимость держать себя в руках куда-то делась. Пес по имени Пони лизнул ее в лицо.

Гас протянул ей коробку бумажных салфеток и заказал пиццу.

— Почему ты... такой добрый? — наконец спросила Тео сквозь слезы, демонстрируя поразительное отсутствие красноречия для человека, обладающего литературным талантом. Гас был старше ее на шесть лет, и уже более десяти лет они жили в разных домах и даже странах. Он уехал из дома, когда ей было десять. Она росла в его тени, в равной степени восхищалась им и презирала, тосковала по нему, ненавидела его и любила. Но ей казалось, что она не знает его, как положено знать друг друга членам одной семьи. Да и как она могла его знать? — Ты же не подыгрываешь мне? Потому что я разревелась? Поверь, я нормальная... хотя кажется иначе.

Гас рассмеялся.

— Ты права, я просто тяну время до приезда «скорой», а там уж врач вколет тебе снотворное.

Она посмотрела ему в глаза.

— Послушай, Тео, необязательно все время быть собранной. Человек может бурно реагировать на события, это нормально.

— Я не...

— Я знаю. Но ты можешь плакать, ничего страшного. Поняла?

Тео кивнула. В минуту беды она инстинктивно обратилась к Гасу, как делала в детстве. И теперь вспомнила, что инстинкт еще никогда ее не подводил. Она выдохнула.

— Прости. Я решила, что раз мы оба всегда хотели быть адвокатами... ты не поймешь, с чего мне вдруг захотелось писать романы.

Он пожал плечами.

— Я хотел быть серфером.

На том и порешили. Тео расположилась в дальней от ванной комнате, послушав совета брата.

Гас купил старый дом в паре улиц от здания адвокатской конторы «Крэйн, Хэйс и Перселл», которая теперь называлась «Крэйн, Хэйс и Бентон». Дом отчаянно нуждался в ремонте. Он и раньше не был шикарным, но в теперешнем состоянии определенно мог считаться худшим домом на лучшей улице — или лучшей из тех, что Гас мог себе позволить. Все его финансы ушли на выкуп доли Джерарда Перселла в адвокатской конторе, после чего Гас, видимо, решил, что любой дом, где есть водопровод и электричество, сойдет. Брать деньги у сестры он отказался наотрез.

— Ты приехала писать роман, а не работать в забегаловке, чтобы платить за аренду, — твердо заявил он. — Ты, главное, сразу говори всем женщинам, которых встретишь, что ты моя сестра. Большого не требую.

Они обсудили, как рассказать обо всем родителям, и решили ничего не говорить, пока Тео не обрубит концы. Пол и Бет Бентон презирали условности, богатство и стабильную работу от девяти до пяти, но не планировали навязывать свой выбор детям и вести борьбу с капитализмом за их счет. Тео боялась, что, если им все расскажет, ее заставят вернуться домой

и участвовать в ритрите по медитации и обретению связи с Землей или чем-то еще, а может даже всучат тамбурин и попросят аккомпанировать отцу.

Старшие Бентоны переехали на Тасманию, где пытались бороться с вырубкой лесов, за что их неоднократно арестовывали и наконец, из-за многочисленных правонарушений, запретили им въезд в США. Они не желали пользоваться современными технологиями, отчего поддерживать связь с ними было сложно: они лишь изредка перезванивались и недолго разговаривали, пытаясь услышать друг друга сквозь помехи на линии. Они бы ни за что не догадались об истинной причине приезда Тео в Лоуренс, и ее побег из университета прошел бы для них незамеченным.

В последующие дни Тео вычистила дом, избавив от многолетних наслоений грязи, объявила войну плесени и починила все, что могла, убеждая себя, что таким образом платит за жилье. Она шкурила и красила, стирала и готовила, пока Гас без лишних церемоний не велел ей убраться из дома.

— Уходи.

— Что?

Он закончил завязывать галстук.

— Тебе надо найти другое место, чтобы писать.

Тео потрясенно уставилась на него.

— Но ты же разрешил...

— Тебе надо уходить из дома по утрам, Тео. Я ценю твой приступ благоустройства, но эта развалюха забирает у тебя все силы. Ты должна уходить из дома, чтобы не отвлекаться.